

Шестая глава из «ЧЕРНОЙ КНИГИ КОММУНИЗМА»

СССР С 1923 ПО 1936 ГОД

Это первое не художественное, а именно историко-публицистическое исследование чудовищных преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Только во Франции ее тираж составил 300 000 экземпляров. Переведена на 31 язык. На русском языке книга вышла в издательстве «Три века истории».

(...продолжение, начало в №85-96)

«СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» И ЦИКЛЫ РЕПРЕССИЙ

Все взрослые городские жители, то есть лица, достигшие шестнадцати лет, не лишённые гражданских прав, железнодорожники, строительные рабочие, имеющие постоянный заработок, работники государственных сельскохозяйственных предприятий получили паспорта, выданные специальными службами.

Но эти паспорта были действительны для проживания только при наличии прописки. Прописка определяла преимущества городского жителя: наличие продуктовой карточки, социального страхования, права на жильё. Города были разделены на две категории: «закрытые» и «открытые». «Закрытые» города – Москва, Ленинград, Киев, Одесса, Минск, Владивосток, Харьков, Ростов-на-Дону – были привилегированными городами с точки зрения их снабжения.

Кроме того, жильё здесь доставалось только детям по наследству, предоставлялось лицам при вступлении в брак, а также лицам, получившим работу в городе, после чего люди, получившие жильё, могли получить и прописку. В «открытых» городах прописку получить было легче.

Операции по паспортизации населения, продолжавшиеся весь 1933 год, когда было выдано 27 миллионов паспортов, давали возможность властям очистить города от нежелательных категорий населения. Начавшаяся в Москве 5 января 1933 года первая неделя паспортизации работающих на двадцати промышленных предприятиях столицы помогла «выявить» 3 450 бывших бело-гвардейцев, бывших кулаков и других «чуждых и преступных элементов».

В общем, в закрытых городах около 385 000 человек не получили паспортов и были вынуждены покинуть места проживания в срок до десяти дней с запретом на устройство в другом городе, даже «открытом». «Надо, конечно же, добавить к этой цифре, – отчитывался в своем докладе начальник паспортного режима НКВД от 13 августа 1934 года, – тех, кто при объявлении операции по паспортизации сами предпочли покинуть города, зная, что они не смогут получить паспорт. В Магнитогорске, например, город покинуло 35 000 человек. В Москве в ходе двух последних месяцев население уменьшилось на 60 000 человек. В Ленинграде за один месяц из города исчезло 54 000. В «открытых» городах операция позволила убрать 420 000 человек.

Милицейский контроль и массовые облавы на людей без документов способствовали изгнанию сотен тысяч человек. В декабре 1933 года Генрих Ягода приказал своим службам «производить чистки» на вокзалах и рынках «закрытых» городов каждую неделю. В ходе первых восьми месяцев 1934 года в одних только «закрытых» городах более 630 000 человек были задержаны и допрошены за нарушения паспортного режима. Среди них были посажены без суда и следствия, а затем высланы по графе «деклассированные элементы» 65 661, 3 596 предстали перед судом и 175 627 изгнаны со статусом спецпоселенцев; были и такие, кто отдался обычным штрафом.

В течение 1933 года были произведены наиболее впечатляющие операции «по паспортизации»: с 28 июня по 3 июля арестовали и депортировали к местам работы в Сибирь 5 470 цыган из Москвы. С 8 по 12 июля были арестованы и депортированы 4 750 «деклассированных элементов» из Киева. В апреле, в июне и июле 1933 года произвели облавы и высылку трех составов «деклассированных элементов из Москвы и Ленинграда». Первый из этих составов оказался на острове Назино, где за один месяц погибло две трети депортированных.

О том, как устанавливалась личность отдельных «деклассированных элементов», в своем докладе уже цитированный выше партийный инструктор из Нарыма писал: «Я мог бы привести множество примеров абсолютно несправедливой высылки. К несчастью, это все были близкие нам люди, рабочие, члены партии, они умерли, так как менее других были приспособлены к тяжелым условиям.

Это, в частности, Новожилов Владимир из Москвы. Шофер на заводе «Компрессор», трижды премирован за труд. Женат, имеет ребенка в Москве. Собирался пойти с женой в кино. Пока

жена собиралась, вышел за папиросами. Попал в облаву на углу улицы, выслан. Виноградова, колхозница. Приехала к своему брату, начальнику 8-го отделения милиции в Москве. Попала в облаву, сойдя с поезда на одном из городских вокзалов. Войкин Николай Васильевич, член ВЛКСМ с 1929 г., рабочий на фабрике «Красный текстильщик» в Серпухове. Три раза премирован. Отправлялся в воскресенье на футбольный матч. Забыл свой паспорт. Выслан. Матвеев И.М., рабочий на строительстве хлебозавода. Имел паспорт сезонного рабочего до декабря 1933 г. Говорит, что никто и не посмотрел на его паспорт... Выслан».

Чистка городов в 1933 году сопровождалась другими операциями в том же духе. На железнодорожном транспорте, отрасли стратегически важной, которой руководил железной рукой сначала Андреев, а затем Каганович, 8% личного состава, то есть около 20 000 человек, были вычищены весной 1933 года.

Весной 1934 года правительство принимает репрессивные меры в отношении малолетних беспризорников и хулиганов, число которых в городах в период голода, раскулачивания и огрубления социальных отношений значи-

тельно возросло. 7 апреля 1935 года Политбюро издало указ, в котором предлагалось «привлечь к суду и применить необходимые по закону санкции к подросткам, достигшим 12 лет, уличенным в грабительстве, насилии, нанесении телесных повреждений, членовредительстве и убийствах».

Спустя несколько дней правительство послало тайную инструкцию в прокуратуру, где уточнялись уголовные меры, которые следует принимать в отношении подростков, и в частности, там было сказано, что следует применять всякие меры, «включая высшую меру социальной защиты», иначе говоря – смертную казнь. Таким образом, прежние параграфы Уголовного кодекса, в которых запрещалось присуждать к смертной казни несовершеннолетних, были отменены.

Одновременно НКВД предписано было реорганизовать «приюты и дома призрения» для несовершеннолетних, находившиеся в ведении Народного комиссариата просвещения, и развивать сеть трудовых колоний для малолетних. Однако размах детской преступности и беспризорничества был слишком велик, и эти меры не дали никакого результата.

Как отмечено в докладе «О ликвидации

преступности несовершеннолетних в период с 1 июля 1935 г. по 1 октября 1937 г.:

«Несмотря на реорганизацию служб, положение не улучшилось. ... С февраля 1937 г. наблюдается прилив беспризорников из сельских зон, особенно из районов, затронутых неурожаем 1936 года. ... Массовые облавы деревенских детей, оставивших свои семьи из-за материальных трудностей, объясняются не только плохой организацией колхозных касс взаимопомощи, но также и преступной практикой многих руководителей колхозов, которые, желая избавиться от малолетних нищих и бродяжек, дают им справки, позволяющие попрошайничать и бродяжничать на вокзалах в ближайших населенных пунктах...»

С другой стороны, администрация железных дорог и железнодорожная милиция вместо того, чтобы арестовывать малолетних преступников и направлять их в приемники и распределители НКВД, ограничиваются тем, что сажают их в проходящие поезда, «чтобы очистить свой сектор»... Таким образом, беспризорники оказываются в больших городах».

Несколько цифр помогут представить размах этого явления. В течение одного только 1936 года более 125 000 малолетних бродяг прошли через НКВД; с 1935 по 1939 годы более 155 000 малолетних были упрятаны в колонии НКВД. 92 000 детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет прошли через судебные органы только за 1936-1939 годы. К 1 апреля 1939 года более 10 000 малолетних были вписаны в систему лагерей ГУЛАГа.

В первой половине тридцатых годов размах репрессий, которые осуществлялись государством и партией против общества, то набирал силу, то немного ослабевал, серии террористических актов и чисток с последующим затишьем позволяли сохранять определенное равновесие, каким-то образом организовывать тот хаос, который мог бы породить постоянное противостояние, или, того хуже, незапланированный поворот событий.

Весна 1933 года стала кульминационной точкой в ходе первого цикла террористических операций, начавшихся в 1929 году с раскулачивания. Власти тогда действительно столкнулись с непредвиденными проблемами. И прежде всего, с тем, как в местностях, опустошенных голодом и чистками, организовать полевые работы для обеспечения будущего урожая. «Если мы не примем во внимание минимальные нужды колхозников, – предупреждал осенью 1932 года один деятель районного комитета партии, – некому будет сеять и убирать».

(продолжение следует...)